

Сергей КУЛАКОВ

Сергей Кулаков родился в 1964 году в Архангельске. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Студия» (Германия), «Союз писателей» (Харьков), «Южная звезда», «Урал», «Журнал Поэтов», «Слово» (Нью-Йорк), «Дон», «7 искусств» (Германия), «Кольцо А», «День и ночь», «Интерпоэзия» (США). В «Волге» публиковались рассказы (2017, 2018, 2020).

СТРАДАЮЩИЙ

Рассказ

Начну, пожалуй, с того, что без всякого бахвальства и чопорности заявлю, указывая легким движением подбородка: вот он – я. Проще и быть не может, да только, если внимательно разобраться, не так все гладко, как может почудиться на первый взгляд. У любознательного постороннего, вполне обоснованно, возникнет множество вопросов, я бы сказал: тьма вопросов. Например, некоторые из них:

- а). что значит **я**?
- б). откуда **он** взялся?
- в). что нужно **ему**?
- г). к чему о **нем** знать?

Ну, и так далее, и так далее... К тому же каждый из этих вопросов способен дробиться на более мелкие, более въедливые, более дотошные. Разумеется, вот примеры:

- а). это тот, кем себя ощущаешь, или тот, кого видишь?
- б). был сотворен или рожден?

в). а здесь побочных вопросов возникает столько!.. но, возможно, он и сам не ведает и страстно желает узнать;

- г). нужно ему или нужно кому-то иному?

Как и говорил, вопросов это вместоимение плодит вокруг себя тьму, но разбираться-то надо, надо...

Для начала неплохо выяснить: тот ли я, кем себя ощущаю, или тот, кого вижу в пронырливых зеркалах? К сожалению, эту личину, всплывающую в глубинах искусного стеклянного зла, тут же забываешь. Я не помню, как выгляжу, уже через несколько минут после внимательного взгляда в прекрасно замаскированные, и оттого кажущиеся незримыми, глубины. О, стекло, тонкое и коварное! Ловушка, которую замечаешь, только очутившись в ней; она полна неожиданностей, подвохов, коварств... Одна из них – почти внезапная забывчивость в отношении того, кого видишь под прозрачной гладью. Не странно ли это? Ведь память хранит многое, многое: какой-то пустяк (во всех его деталях и цветах) она готова укрыть на долгие-долгие годы, а тут – бац, и через несколько мгновений уже ничего не помнишь. Внезапная амнезия рождает дурацкую игру: заглянул-увидел-забыл-опять заглянул, ну и так далее. Вся эта возня не приносит никаких плодов: то, что видишь (снова и снова) в омуте зеркала, почти немедленно исчезает в глубинах памяти. Впрочем, не все, не все...

Помню массивную, слегка продолговатую голову, оттопыренные уши, припухшие губы... Больше ничего не удерживается в памяти, но отчего-то создается впечатление: это не я. Кто же тогда? Тут, без всяких сомнений, мог бы развиваться полноценный философский диспут, но я не силен в философии, да и достаточно подготовленного оппонента у меня нет, потому и вопрос этот будем считать заданным напрасно. Я уже

его позабыл, как и того, кого видел утром в глубине чудного стекла. Однако требует ответа, можно сказать, вопиет первозаданный вопрос.

Поразмыслив, прихожу к мнению: лучше бы его не задавать вовсе. Объясню почему: тот, кем себя ощущаю, вероятно, мог бы ужиться в том, кого вижу в зеркале, несмотря на то что мне этого, вообще-то, не хочется. Значит, не все забывается, если то, что вижу в зеркале, не подходит для того, кем себя ощущаю. Остается выяснить: кем же? Это не просто. Думаете, здесь попахивает контрадикторностью? (Когда кем-то себя ощущаешь, должен непременно знать: кем.) Для меня никакого противоречия нет. Если забываешь того, кого только что видел за призрачно-тонкой завесой амальгамы, отчего не забыть того, кем только что себя ощутил? Можно считать: с этим вопросом удалось кое-как разобраться. Надеюсь, надеюсь... Пусть найдётся умник, который начнет возражать, пытаюсь выстроить каверзные умозаключения или же, основываясь на недюжинных познаниях и опыте, задавать лукавые вопросы... Пускай-пускай, кто станет его слушать?! Сказал: покончено – все, не собираюсь больше ломать над этим голову. Ах, кстати, ломать голову... Я думал, много раз думал, как уже говорилось: голову ломал. Особенно часто это происходило во время сна... Наверно, многие возразили бы на это: как можно во время сна думать? Но как же знаменитый русский химик, или не менее известный датский физик, или слесарь-водопроводчик из Бристоля с его свинцовыми каплями вместо дождевых? Выходит – можно, и очень даже плодотворно, только суть, несомненно, не в этом. Как уже говорил: я много раз обдумывал, воображал, даже пускался в своих, часто исчезающих по утрам – чем-то напоминает мою зеркальную амнезию – сновидениях, во всевозможные путешествия. Да-да, именно в путешествия, хотя не питаю особенных симпатий или стремлений к перемещениям по суше, либо воде, либо воздуху ни с целью изучения этих мест, ни с какими-то еще целями, которые можно вообразить или предположить. Мне никогда не нравились путешествия. Я никогда не предпринимал попыток совершить их. Конечно, короткие перемещения по месту, в котором я живу, не в счет. Это не зависит от моих физических, или физиологических, или (если кто-то засомневается) психических особенностей. Просто мне очень нравится мой дом, и у меня никогда, никогда не возникало маниакального желания оставить его, чтобы отправиться в чужедальные земли, в поисках чего-то особенного; или просто так, на мир поглазеть; или чтобы неизвестно где неизвестно кого выручить из беды; или открыть новые страны (в этом у меня особые сомнения), а потом, совершив в этом далёком далеке все, что должен был бы там исполнить, запутанными, кружными путями-дорожками, возвращаться назад. Неизвестно ведь, куда угодишь, направляясь туда, или совершая там свои деяния, или возвращаясь оттуда, если доведется, конечно, вернуться. Это, как говорится, вилами на воде написано. Пойди туда, соверши нечто, вернись назад; путешествуй по земле чужих народов, испытай доброе и злое между людьми... Но зачем, зачем, если можно никуда не отправляться, быть все время здесь? Нет, нет, не в одной точке, именуемой домом, но разве можно считать путешествиями эти перемещения по одним и тем же путям (ведущим и уводящим от одних и тех же мест, где я бываю), которые совершаются мной почти ежедневно в той местности, где живу? Думаю, нет. Хотя кое-кто может возразить: мол, любое перемещение можно считать путешествием, даже если совершаешь его в своей голове, то есть в мыслях, в мечтах...

Спешу возразить: это полная чушь и абсурд. Не верите? Очень легко могу доказать, хоть и не обладаю недюжинным интеллектом, или углубленными философскими познаниями, или склонностью к логическим построениям. Уста мои отверсты, сердце расширено, и вот мой пример:

...Возьмем самого знаменитого странника. Без сомнения, это хитроумный отпрыск Антиклеи и Лаэрта, хотя некоторые историки утверждают: на самом деле отцом его был Сисиф (мне кажется последнее более вероятным – яблоко не далеко укатилось

от яблоньки). Так вот, каждому обалдую и тупице известно о приключениях, путешествиях и совершенных им делах. Ни у кого не возникает сомнения в первенстве упомянутого имярека в таком непростом деле, как путешествия. Попробуй-ка переплюнуть его в этом. Если ни у кого не вышло за долгие тысячелетия, вряд ли получится у кого-либо и в грядущем. (Шансы, по крайней мере, так уменьшились, что стали почти равны нулю, ну или очень близко к этой непростой цифре, обозначающей отсутствие наполненности. Правда, если в её соседстве манипулировать с другими цифрами, полнота начинает набираться, набухать и может даже превратиться, для страдающего человеческого разума, в какую-то немыслимость этой самой полноты... Но довольно об этом!) По большей части от того, что мир теперь стал гораздо меньше, чем во времена славного героя. (Лично мне он не кажется ни славным, ни – тем более – героем, однако сейчас это не имеет никакого значения, и потому я упорно продолжаю...) Представьте себе такое: упомянутый морестранник (изредка он пробовал себя в роли пешестранника, но запомнился именно как морестранник) покидает родной дом, оставляя там горящую супругу и сына, и пса, и служанку и отправляется в путь. Однако, путешествие заканчивается еще до захода солнца (в зимние месяцы – немного позже наступления сумерек), и он возвращается обратно. И так день за днем, день за днем... Супруга его не начинает ткать полотно, и женихи не липнут к ней как мухи. Сын не грустит без родителя. Пес, получая ежедневную порцию пинков, старается укрыться от ноги хозяина. Служанка замучилась выполнять ежедневные мелочные прихоти, она тайно его ненавидит. Спросите у всех их (уж не знаю, станете ли вопрошать пса): считают ли они ежедневные уходы-приходы мужа-отца-хозяина за увлекательные путешествия. Да они в один голос воскликнут (думаю, псина тоже станет тихонько повизгивать): пускай бы убрался он отсюда подальше! Забавная была бы картина! Вот так, а вы говорите: путешествия совершаются ежедневно... для этого не нужно ни времени, ни расстояний... Но разве можно в этом случае стать героем легенды? Только меня это совершенно не волнует. Пускай минуют дни, наполненные тревогами, смутными надеждами, гнетущими сомнениями и тщетной суетой; пускай воображение рисует восхитительные картины чужих приключений... Мои предпочтения гораздо скромнее предпочтений того, кто никогда не был частым гостем моих снов, настырным обитателем моих мыслей. Мне всегда хотелось, покидая пределы своего крошечного островка, быстрее вернуться обратно, что я с относительным успехом проделываю вот уже долгие годы (гораздо дольше приснопамятного знаменитого путешествия, по крайней мере, если верить моим, слегка путаным, подсчетам). Приключения мне ни к чему, слава меня не прельщает; пускай и не воспоют обо мне в песнях слепые певцы... Что с того, что с того?! Куда важнее знать: твой дом рядом, под боком, и ещё – ежедневно возвращаться туда куда привлекательнее, чем тосковать по нему издалека. О да, знаменитое путешествие длиной в 20 лет... Великаны, чудовища, чудеса... Если вдуматься, внимательно осмотреться кругом, всего этого хватает и ныне, и краткие перемещения, которые совершаются мной изо дня в день, окажутся в совокупности куда длинней шатаний непоседливого грека по лабиринту древнего мира; и повсюду, на каждом шагу кишат эти жены, окруженные женихами, жаждущими занять высвободившееся место, нерешительные сыновья, стареющие псы, выжившие из ума старухи-служанки...

20 лет... 20 чудовищных лет отсутствия, сколько ещё припомнит память имен, прошедших этим горьким путем? Припоминаю Бен Болта, да ещё Кривого О'Лири. Моряк и волынщик, волынщик и моряк... Немного наслышан ещё об одном скитальце, которому вздумалось проверить, как супруга будет жить без него. Он оставил жилище и отсутствовал 20 лет, да только не где-то на дальних берегах или в диковинных странах, преодолевая потом возвратным путем пустыни да моря, а в доме по соседству, подглядывая из-за занавески, сквозь тонкую прозрачную стену окна за тем, как живет

его жена. Кажется, несчастному в конце концов начали приходить мысли, что он не вполне здоров, но все же что-то не давало ему вернуться из этого странного путешествия, а ведь возвратная дорога была для него так близка, так близка – стоило всего лишь отворить двери...

Несомненно, единственный ваш друг (кроме уютного жилища) это двери. Милые двери родного дома. Они гораздо вернее арахнолюбивых супругов и любых псов, приветливей оставленных детей и услужливей дряхлой прислуги. Они впускают и выпускают из жилища: последние, кто провожают и первые, кто встречают. Тихо грустят расставаясь, и неслышно радуются при встрече. Они не бросаются на шею, не глядят восторженно в глаза, не лижут ног, не целуют рук, но от этого радость их и печаль их никак не становится меньше. Двери, родные приветливые двери! я тоже всегда рад встрече с вами, а расставанья меня огорчают, но всего лишь немного и ненадолго, ведь путешествия мои – нет, лучше назвать их прогулки, однако, если внимательно разобраться, ничто не отличает их от кратких путешествий – так коротки (хотя весьма и весьма постоянны), и, в общем-то, они меня не утомляют. Мне не нужно брать с собой ни мешочек с солью, ни таскать на плече весло... Утром, отправляясь в путь, знаешь, что к вечеру вновь окажешься у дверей милого жилища. Это меня устраивает, впрочем, время от времени что-то случается, и тогда начинают без всякой причины тревожить вопросы: где волшебство? куда подевались чудеса? отчего мне давит воздух этот? Туманные иллюзии, пустые надежды, мелкие мечты – все, чем осталось довольствоваться нам, ленивым и нелюбопытным, занятым лишь собою, лишь собою. И тогда я желаю, чтобы фантазия унесла меня отсюда, и вымысел развеял тоску, и чтобы мягким ковром стелились мне под ноги пастбища и луга, а горы и холмы пели вослед, и деревья вместе с кустами рукоплескали с веселием.

Надолго ли хватает этих потуг, рожденных воплями мятущейся души, закупоренной в хижине медленно рассыпающегося тела, брошенного в космический холод реальности? Не мифическое рождение, не предопределенная смерть, а выжженная безверием реальность в конце концов иссушает сознание, влечет за собой неизбежную скорбь, которая лихорадочно поглощает плоть, точно пустыня – плодородные когда-то сады. Вопли всегда утихают... После них остается тоска. Многие обманывают себя и других, считая своей задачей – освободиться от диктата немилосердного времени, сбросить с себя это грузное иго. Да разве удастся улизнуть из неумолимо сжимающихся, грозных челюстей, перемалывающих и превращающих все в прах; от всепроникающего дыхания, рвущегося из незримого, огромного рта и разносящего повсюду запах распада, дух тления, смрад смерти. Что может человек, это маленькое, бессильное существо, находясь во власти двух гигантов: Времени и Смерти? Как им противостоять, что делать? Возможно, отчетливо сознавать, что он (такой слабый, никчемный и уязвимый) создан для Вечности, а тем двоим исполинам, в этой благодной Вечности, места нет?!

Вот и высунулся вездесущий, малообразованный, непременно хамоватый маленький человек. Из тьмы своей выставил любопытный нос к свету. Свете светлый, светло освети несветлый и петлистый его путь, и неизвилистой тропой света проведи к свету Своему.

Маленький человек. Маленький, гадкий, пустой человек. Это тщедушное, часто отвратительное создание, переполненное эгоизмом, страхами, любовью к своим слабостям. К чему он вам, этот грязный, дурно пахнущий, едящий всякую гадость, пердящий, срущий, страдающий запорами, поносом, геморроем, гонореей, витилиго, псориазом, экземой, плоскостопием, отвратительным запахом изо рта, гнилыми зубами?.. К чему он вам, что может он дать, кроме нытья, бесконечных просьб и непостоянства? Вы привыкли мыслить масштабами городов, областей, стран, целых континентов... к чему вам маленький этот человек, подобный отвратительному насекомому, ползущему по своим мельчайшим делам? Ваши мысли, ваши устремления

простираются в глубины космических пространств, в них нет места для того, кто крошки не отведал с утра, а часто и со вчерашнего вечера, кто ночует под открытым небом, под забором и деревьями, в заброшенных строениях без дверей и окон, в подвалах и подъездах грязных домов. Зачем вам хренов этот маленький человек? Он всегда с вами, где-то рядом, поблизости, вы же устремляетесь за тем, чего у вас нет – за счастьем, всеобщим благополучием, равенством, братством. С каких это пор интересует вас реальность? Тем более что она зачастую неприглядна и несет от неё не всегда свежим запахом. Куда уж лучше стремиться к чему-то призрачному, к чему-то эфемерному, к тому, чего нельзя унюхать или узреть, ведь нет там никакой плоти и умереть нечему, кроме безжалостного времени и неумолимого пространства. Пустота, пустота, пустота... Как хорошо размышлять о ней, но никто не хочет в ней обитать! Думаю: даже тот древний странник ни за что не отправился бы по доброй воле своей в жуткие области пустоты, туда, где нет тверди небес и далекие звезды не гаснут на ней и даже не зажигаются. Мне это тоже не по душе, однако наступит время, когда придется отправиться в неизведанный путь, которым каждый дышащий должен пройти. Начало его туманно и конец неизвестен, он взору невидим и ослабевшие стопы не чувствуют его под собой. Что ведомо нам? Только направление, уводящее во тьму, куда ни фантазия, ни зрение не могут проникнуть. Это даже не место, ибо место предполагает и время, и подобие пространства. Ничего такого там нет, даже то, что называется дорогой, туда привести не может, потому как сама по себе она представляет подобие места. Но что-то (чего я не понимаю) все же туда влечет, и путь туда проложен бесконечными парами ног, ибо путешествие туда нескончаемо, и от этого заклятья никто не в силах избавиться, и оно тащит тело (вернее, вовсе даже не тело, ибо оно недвижимо), как река щепку в мрачную, далекую, ужасную неизвестность. Это и есть главное путешествие для каждого, кто был рожден.

Помню, когда-то давно... очень давно... в детстве, в том возрасте, который принято считать счастливым и беззаботным (вот ведь вздор!), я, почти в буквальном смысле, обливался слезами, размышляя о смерти. Даже не о смерти – я тогда не только не понимал значения этого слова, но и самого этого слова не знал, ведь смерть ещё не касалась моих близких – о небытии. Согласитесь: человека, размышляющего о небытии, нельзя назвать беззаботным и счастливым.

Лежа в кровати, тревожно я вглядывался во тьму, точно там, в этой бездне, мог отыскаться ответ на вопрос, который не давал покоя: что со мной будет, когда меня уже не будет? Возможно, для взрослого подобный вопрос кажется бессмысленным, но не для ребенка, не для ребенка... Не было сомнений, что когда-то меня не будет, но не было и сомнений, что я не могу исчезнуть без всякого следа. Пускай это будет нескоро, но это обязательно будет! Я ещё не знал: почему и отчего меня должно не стать, и что это называется смертью, но душа моя уже изнывала под тяжестью будущего небытия. И вот, в этой пустоте, пустоте небытия, которое представлялось мне бескрайним, звездным, темным небом, я пытался отыскать себя и не мог, не мог!.. Небо было, и звезды, и даже тьма, но нигде среди этого неба, и звезд, и тьмы я не мог отыскать себя. Я понимал: всё другое останется, и все другие люди будут продолжать привычную жизнь, вот только меня не будет. Меня?! Не будет? Меня... И страх нарастал, нарастал... Но далеко не это ужасало меня, а то, что никак не удавалось понять: где же я буду? От этого что-то так сильно сжималось внутри и текли из глаз слёзы, и омытый обильными слезами, я засыпал.

Память имеет своего изничтожителя – Время, которое забвением смывает и изглаживает отпечатки вещей, образов, мыслей. Я просыпался и вскоре почти не помнил о ночном кошмаре и тяжелых своих раздумьях, но в одном был не прав древний богослов: нельзя до конца смыть и изгладить того, что вошло в плоть и вошло в душу. И

тогда, из детских переживаний от ужасных ночных мыслей, начиналось великое странствие, которым должен пройти каждый дышащий. Странствие утомительное, наполненное горечью и страданием...

На этом, пожалуй, закончу.